

Цзян Ли ничего не сказал, просто посмотрел на Чжоу Чжичэня, который лежал на кровати с закрытыми глазами. Вскоре врач вернулся, чтобы ввести ему лекарство, затем он повернулся к Цзян Ли, чтобы предложить ему некоторые меры предосторожности, прежде чем уйти.

В комнате воцарилась тишина, и только после выключения света комната погрузилась в темноту, и Цзян Ли почувствовал страх. Ему не нравилась такая атмосфера, поэтому он подошел к Чжоу Чжичэню и незаметно взял его за руку.

Цзян Ли искренне восхитился своей внезапной смелостью, но потом его мысли невольно переключились на уже деформированную половину ноги Чжоу Чжичэня. Внезапно голос Чжоу Чжичэня нарушил оглушительную тишину, прервав размышления Цзян Ли.

— Сяо Ли, тебе жаль меня? Тебе жаль мою ногу? Или мою низкую самооценку?

Голос Чжоу Чжичэня был прерван рыданиями. Цзян Ли некоторое время был сбит с толку, прежде чем, запинаясь, быстро ответил.

— Нет, мне тебя не жаль!

Просто до сегодняшнего дня он никогда не проявлял инициативы взять Чжоу Чжичэня за руку.

Альфы в период восприимчивости более чувствительны. Цзян Ли ясно видел в лунном свете, как по щекам того текут слезы. Цзян Ли запаниковал и мгновенно наклонился, чтобы поцеловать его в щеку.

— Я просто не знаю, как тебя утешить...

— Чжоу Чжичэнь, я просто склонен все портить и никогда не знаю, как объясниться после. Я так и не научился сочувствовать людям, мне как будто вообще на всех наплевать. Или, возможно, я просто немного туповат, однако, я обещаю тебе, что обязательно буду усердно работать над этим в будущем.

Сказав все это, Цзян Ли мгновенно почувствовал, как вспыхнуло его лицо.

—...Я понимаю. Но, пожалуйста, поспи пока в соседней комнате? Я сам могу о себе позаботиться, ты можешь оставить меня здесь.

Настроение Чжоу Чжичэня, казалось, улучшилось. Но когда он увидел, что Цзян Ли по-прежнему не двигается с места, он вздохнул.

— Прости, Сяо Ли, но мне просто не нравится, что ты сейчас видишь мой жалкий вид.... Так что, пожалуйста, оставь меня, по крайней мере, думай, что ты делаешь это ради меня.

У Цзян Ли не было другого выбора, кроме как согласиться. Но перед уходом он чмокнул Чжоу Чжичэня в лоб, после чего подошел к двери и осторожно закрыл ее. Однако, он остался стоять за дверью, не желая уходить.

Затем Цзян Ли тайно выпустил свои феромоны в надежде, что аромат, который просочится в дверную щель, успокоит Чжоу Чжичэня. На полу было прохладно, но его глаза все равно слипались, и он поддался своей сонливости. Он не заметил, как во сне дверь внезапно открылась, и кто-то внес его обратно в комнату.

Прошлой ночью шторы не были задернуты, поэтому, как только Цзян Ли проснулся, его

встретили яркие лучи солнца. Он огляделся и увидел, что никого нет, и вдруг, словно внезапно вспомнив о чем-то, Цзян Ли вскочил с кровати. Вскоре дверь открылась, и появился приближающийся Чжоу Чжичэнь с тростью в одной руке и блюдом в другой.

Он улыбнулся Цзян Ли, ставя тарелку на стол.

Очки в золотой оправе и аккуратно уложенные волосы придавали ему по-настоящему дружелюбный вид. Затем Чжоу Чжичэнь поманил его рукой, приглашая подойти.

— Вставай, умывайся, а потом поешь.

Неужели способность альфы к самоисцелению настолько сильна?

Цзян Ли невольно пробормотал что-то себе под нос, подходя к Чжоу Чжичэню и позволяя ему обнять себя. Все говорят, что период восприимчивости альфы был довольно критическим, но вместо того, чтобы демонстрировать какие-то отклонения, Чжоу Чжичэнь казался более спокойным и сдержанным, чем обычно.

— Хорошо.

После ответа, как раз в тот момент, когда он собирался вырваться из объятий, Чжоу Чжичэнь внезапно погладил его по заднице. Сердце Цзян Ли бешено заколотилось. Он подозрительно посмотрел на Чжоу Чжичэня, но тот все еще улыбался.

Цзян Ли не решился заговорить, наконец, он направился в ванную на негнущихся ногах. Даже когда он вышел оттуда свежим и чистым, он все еще чувствовал, что Чжоу Чжичэнь сегодня какой-то странный.

— Иди позавтракай.

Чжоу Чжичэнь сел на стул и позвал его. Но в комнате был только один стул, и он сидел на нем. Цзян Ли оказался в затруднительном положении, но Чжоу Чжичэнь похлопал себя по бедру.

— Сядь ко мне на колени.

—.....?

Он намеренно оставил здоровую ногу открытой.

Цзян Ли просто послушно подошел и осторожно сел на него, стараясь не наваливаться слишком сильно, опасаясь, что его вес может причинить ему боль. Но потом, похоже, Чжоу Чжичэнь почувствовал, что этого еще недостаточно, поэтому он взял бутерброд и скормил ему.

Цзян Ли открыл рот и откусил кусочек. Он увидел неприкрытый взгляд Чжоу Чжичэня, и чуть не подавился.

— Прекрати пялиться на меня.

Цзян Ли почувствовал себя слишком неудобно, чтобы продолжать есть, поэтому он оттолкнул протянутую руку. Чжоу Чжичэнь больше не заставлял его. Затем он схватил его за подбородок и большим пальцем принялся старательно счищать крошки с уголков рта.

— Как тебе бутерброд? Вкусно? Я встал пораньше, чтобы приготовить это для тебя.

Теперь этот парень напрашивается на похвалу.

— Да, да. Это вкусно, действительно вкусно. Я съем остальное.

Взгляд Цзян Ли беспокойно метался по всему, кроме него. Но Чжоу Чжичэнь редко бывал таким свирепым, он чуть сильнее сжал подбородок.

— Тогда дай мне попробовать.

Сказав это, Чжоу Чжичэнь наклонился ближе и начал страстно целовать его. В середине их поцелуя он заставил губы и зубы Цзян Ли раскрыться, прежде чем толкнуться внутрь.

Когда кончик его языка обвился вокруг языка Цзян Ли, Чжоу Чжичэнь начал жадно пробовать его на вкус. Цзян Ли почувствовал, что ему не хватает воздуха, поэтому он быстро схватил его за плечи и неосознанно оттолкнул его. Чжоу Чжичэнь сразу после этого прекратил целоваться.

Голова Цзян Ли лежала на плече Чжоу Чжичэня, и он не заметил, как начал выделял феромоны.

— Мой драгоценный Сяо Ли, пахнущий личи...

Чжоу Чжичэнь опустил голову, сделал глубокий вдох и прижался губами к шее Цзян Ли.

Его теплое дыхание коснулось желез, заставив того задрожать. Чжоу Чжичэнь некоторое время не отрывался от его кожи, но так и не сделал попытки временно отметить его.

— Могу ли я целовать тебя, кусать и вводить собственные феромоны?

Цзян Ли уже ощущал выпуклость Чжоу Чжичэня под собой. Солнце снаружи, казалось, напоминало ему, что не стоит предаваться похоти среди бела дня, но он все равно сказал:

— Можешь.

<http://bllate.org/book/13986/1229556>